

23 ДЕК 1973

Творческий портрет

ВЕРНОСТЬ

БОРИС Никитович Данильченко пришел работать в Ставропольский драматический театр двадцать пять лет назад. Мне хорошо запомнилось то время, быть может, потому, что я и сам в тот год приехал в Ставрополь после окончания института и стал сотрудничать в молодежной газете. Вероятно, именно это обстоятельство способствовало нашему сближению и дружбе.

Мы все дружили с театром, который тогда еще не имел такого внушительного здания, как сейчас, однако ощущение творчества не покидало вас, едва только вы переступали порог одного из самых старинных зданий Ставрополя на проспекте имени Карла Маркса. Этому ощущению помогала удивительная молодость большинства тогдашних актеров театра и учащихся студии, духовное богатство главного режиссера Георгия Адольфовича Георгиевского и щедрость, с какой он раздавал это богатство.

В разговоре об учителях Борис Никитович чаще всего называет две фамилии: Г. И. Гуревича и Г. А. Георгиевского. Как мне кажется, третьим учителем, по значимости не уступающим двум первым, была общая обстановка в театре, при которой совершенно исключены были завистливость, зазнайство, подсиживание, желание и необходимость кого-то с кем-то поспорить — все отвратительные качества, которые подстерегают коллектив тогда, когда способность к творчеству и вдохновению идет на убыль.

Молодые годы оставляют духовный настрой на всю жизнь. От того, как и где они пройдут, зависит потом судьба. «Я из страны своего детства», — сказал один прекрасный человек, отвечая, быть может, не столько живущим рядом с ним, сколько собственным размышлениям.

Юность Бориса Данильченко прошла в Ставрополе, в той части нашего города, что близка к железной дороге, на которой работал его отец, и потому на всю жизнь он сохранил в потаенных уголках памяти запахи горячей смазки, нагретых солнцем шпал, протяжные и печальные гудки паровозов, особенно ярко тревожившие воображение по ночам, когда даже родимая Лягушечка становилась таинственной и необозримой.

Позже он еще повидает свою страну. И знаменитую Одессу, в которой учился. И горячую приволжскую степь, по которой мчался в эшелоне к сражавшемуся Сталинграду. Яростно стучали колеса теплушек, протяжно гудели, идя напролет через большие и малые станции, паровозы. Бойцы сидели на ящиках с минами и слушали лейтенан-

та Данильченко, который в предощущении боя читал бессмертные строки Гёте: «Мечи блестя! Друзья мои — смелей! Ведь за спиною — старцы, жены, дети!».

И древний воинский призыв найдет свое славное место в сердцах новых бойцов. Совсем скоро они вступят в невиданные прежде бои, многие погибнут, но Родина останется свободной. Лейтенант Данильченко будет тяжело ранен и долгих тринадцать месяцев пролежит в госпиталях. На фронте он хорошо узнает тех, кого впоследствии ему придется играть, — солдат и генералов. В госпитале увидит и осмыслит личность будущего своего профессора Богословского из спектакля «Дело, которому ты служишь».

И вообще в те годы за совсем еще короткий срок своей жизни он многое переживет, ощутит по-особому остро и эмоционально. Впоследствии это поможет ему сразу или почти сразу увидеть и точно воплотить именно своего героя в каждом из спектаклей, где доведется играть. Наполнить жизнью свои роли, каким бы диапазоном времени и биографии ни разделялись они одна от другой — от короля Лира до горьковского Якова Колосовского.

О творчестве Бориса Никитовича Данильченко писали немало. Сегодня, в день двадцатипятилетия его работы в Ставропольском драматическом театре, где прошел он свой нелегкий путь от новичка в искусстве до народного артиста, хочется увидеть истоки главного, что определило его как человека и актера, — его открытости, отзывчивости, верности.

Да, он немало ездил по стране, но всегда возвращался к изначальности своей биографии, к родному городу, а когда до конца осознал себя и дело свое, то навсегда и вернулся. Отблестала юность и молодость, но и во времена наступившей зрелости он сохраняет прекрасную

память о нагретых солнцем шпалах, о протяжных гудках почтовых паровозов, о жгущем кожу ветре приволжских степей, об огнях театра, куда вошел совсем еще юношей. Они были такими яркими, эти огни, что казались иллюминацией по поводу личного счастья человечества. И вот именно это ощущение Бориса Данильченко оставляет его для нас всегда молодым, даже если он сотни раз умирает на сцене, подчиняясь логике жизни своих героев и необходимости сюжета.

Сохраняющему верность себе всегда труднее жить и работать. Но зато в его победах и успехах исключена случайность. От роли к роли он все выше поднимается по нескончаемой дороге к вершинам искусства, не топчась на месте, не повторяясь даже в похожих ролях и не отрывая взгляда от перспективы.

Недавно мы говорили с ним об одном знакомом артисте, который за шестнадцать лет актерской работы сменил шестнадцать театров. Каждый год по театру. Был и на Сахалине, и в Перми, и едва ли не в Бресте, словом, всю страну охватил. Данильченко сказал о нем одним словом:

— Поездил...

Сказал без всякой зависти, буднично, даже вроде бы с некоторым сожалением о нем. Дескать, наверное, и так может жить человек. Наверное. Но надо ли? Ведь каждый раз, появляясь в новом театре и попадая там в спектакль, в котором уже играл где-то в другом городе, ты, возможно, покажешь нечто новое для других, но в себе ощутишь новое не сможешь. Ибо будешь показывать уже не свое, а то, что получил от других, не выстраданное, а заученное. Чаще всего в этом остановка актера, если не его гибель.

И последнее. Не так давно Борис Никитович получил письмо от первого своего учителя, Михаила Еремеевича Тилькевича, который, поздравляя ученика с присвоением звания народного артиста, писал:

«Я счастлив оттого, что первым разглядел глубину вашей художественной натуры: никакой ажитации. Душевно, но сдержанно. Умно, но без нравоучительного пальца. Ясно, но не примитивно. Экономно и вместе с тем ассоциативно. Никакой претензии — только правда и достоинство искусства... Надеюсь, что к моменту получения высокого звания вы этих качеств не утратили...»

Значительные, точные слова, полные веры в ученика, в не покидающую его верность искусству. В славный день юбилея Бориса Данильченко присоединяемся к ним и мы.

Вл. ГНЕУШЕВ.